

Проблемы новой международно-правовой системы в нестабильных ситуациях и в рамках многополярного мира

«То было лучшее из времен, то было худшее из времен», – писал Чарльз Диккенс в «Повести о двух городах». И мы сейчас живем как раз в такое время, когда никто не может предсказать, будет ли завтра хуже или лучше, чем сегодня. Мировой порядок меняется так же быстро, как типы айфонов, причем скорость и глубина наблюдаемых изменений разнообразны и неоднозначны. Происходящие трансформации порождают фрустрирующее ощущение тревоги перед лицом нарушения стабильного порядка вещей.

По-видимому, новый международный правопорядок все же уже наступил. У него есть хорошие стороны, есть и плохие. Хорошие не всегда компенсируют плохие, но и плохие не всегда портят хорошие или умаляют их значимость. Бельгийский историк А. Самюэль в книге «Новый мировой пейзаж» еще четверть века назад констатировал переход от биполярного мира к комплексному и непредсказуемому переходного мира [3]. Вместе с тем, стало очевидно, что проблемы международных отношений больше не могут решаться и даже обсуждаться в терминах равновесия военных сил.

В течение последних десятилетий и в Азии, и в Европе имели место многочисленные неожиданности, чрезвычайные ситуации, конфликты между государствами, породившие кризис международной правовой системы. Это во многом результат ускорения глобализации, обострения политических и экономических различий между странами. Налицо необходимость их изучения, в том числе методами социологически-правового исследования. В центре внимания – права и обязанности государств в международном сообществе и правовые отношения между государствами и международными организациями. Отсутствие международно-правового регулирования чревато катастрофическими перспективами. Несмотря на наличие многочисленных действующих договоров, соглашений, международных правил, в международном сообществе во всё большей степени проявляются беспорядок и иррациональность, что в скором времени может привести к кризису всей международно-правовой системы.

Приходится констатировать, что войны и создание нового международного правопорядка всегда идут рука об руку. Крах одного типа международного порядка вызывался либо масштабными войнами, либо революциями. Эта закономерность свидетельствует о неустойчивости международного правопорядка. Две исторически последние международные системы – Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская – стали юридическим оформлением результа-

Чжао Лу, доктор юридических наук, доцент Юридического института и Научно-исследовательского института уголовного права Пекинского педагогического университета, научный сотрудник Научно-исследовательского центра русистологии при Министерстве образования КНР. E-mail: zhaoyilu5945@sina.com

тов мировых войн. В частности, Ялтинско-Потсдамская система базировалась на новом соотношении сил, сложившемся в результате Второй мировой войны. Наиболее характерным для нее было усиление международных позиций США и СССР. Комитет начальников штабов США в своих рекомендациях Государственному департаменту еще в августе 1944 года отметил: «После разгрома Японии только США и СССР останутся первоклассными военными державами, что объясняется сочетанием географического положения и огромного военного потенциала». Определяющее влияние СССР и США на всю систему международных отношений придавало ей биполярный характер. Позднее СССР и США стали называть двумя сверхдержавами послевоенного мира. Впрочем, биполярность Ялтинско-Потсдамской системы не была абсолютной – сверхдержавы не могли контролировать все субъекты и события международной жизни. В 1950-х годах деколонизация способствовала формированию Движения неприсоединения. Будучи вынужденными считаться с глобальной биполярностью, его участники стремились преодолеть логику блокового противостояния.

И хотя в период холодной войны не произошло каких-либо радикальных международно-правовых трансформаций, сама холодная война реально влияла на международный правопорядок. Она сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений, чреватой перерастанием в Третью мировую войну.

Кризис Ялтинско-Потсдамской системы стал результатом поражения Советского Союза в холодной войне и его распада. Кардинальные перемены, происшедшие на рубеже 1980–1990-х годов, со всей остротой поставили перед исследователями и политиками вопрос о характере и закономерностях международных отношений. Вопреки оптимистическим ожиданиям некоторых идеалистически настроенных политиков и части научной общественности, не произошло сближения Азии и Европы на основе универсальных ценностей и становления общемирового сообщества, основанного на принципах взаимопомощи и сотрудничества всех со всеми.

В самый момент перехода к новому историческому этапу казалось, что мировой процесс идет в исключительно позитивном направлении. 31 января 1992 года на первом в истории Организации заседании Совета Безопасности ООН на высшем уровне с участием глав государств и правительств было признано, что в современный период после окончания холодной войны значительно уменьшилась угроза ядерной конфронтации между Западом и Востоком и сложились реальные предпосылки для осуществления заложенных в Уставе ООН возможностей обеспечить путем сотрудничества государств – членов Организации предупреждение и урегулирование различного рода конфликтов [1].

Вместо этого с распадом СССР, возникновением на политической карте мира новых независимых государств, на фоне роста глобальной взаимозависимости шло разрастание этнических конфликтов и усиление сепаратистских тенденций, обретение международным терроризмом угрожающих масштабов. В итоге вся прежняя структура международной безопасности была подорвана.

Неожиданность глобальных перемен является одной из ключевых проблем для международно-политической, экономической и правовой науки. Проблема наличия закономерностей в развитии международных отношений остается одной из наименее разработанных и наиболее дискуссионных. Это объясняется прежде всего самой спецификой данной сферы общественных отношений, где особенно трудно обнаружить повторяемость событий и процессов и где поэтому чуть ли не главной характеристикой выявляемых закономерностей является их относительный, вероятностный, непредопределенный характер. Степень приблизительности в сфере международных отношений настолько велика, что многие исследователи склонны говорить не о законах или закономерностях, а лишь о вероятности наступления тех или иных событий.

Тем не менее одной из наиболее привлекательных черт теории права является стремление обосновать тезис, согласно которому в основе международной политики лежат объективные и неизменные законы политического поведения, корни которых следует искать в самой человеческой природе. Центральное же понятие политического реализма – «интерес, определенный в терминах власти», – связывает существование законов международных отношений с потребностями людей в безопасности, процветании и развитии, которые и должно защищать государство в своей внешнеполитической деятельности.

О сохраняющемся стремлении к научной объективности говорит и другое положение политического реализма – о необходимости рассматривать международные отношения не с точки зрения какого-либо идеала, сколь бы хорош он ни был, а с точки зрения сущности всякой, в том числе и международной, политики и правопорядка. Не отрицая необходимости создания гармоничного и мирного международного правопорядка, основанного на демократии, универсальных ценностях и верховенстве права, политические реалисты настаивают на том, что в современном мире одной из главных особенностей является стремление великих держав к сохранению существующей на мировой арене ситуации.

Сегодня во многих областях международных отношений частные субъекты и небольшие государства располагают гораздо большими возможностями, чем раньше. Одновременно снижаются возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей. Сила становится все менее применяемой, менее осязаемой и менее принудительной. Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе мало средств эффективного влияния на происходящие процессы. Современные международные отношения дают всё меньше оснований рассматривать их только как межгосударственные взаимодействия, ибо происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования. Краеугольные понятия, отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти», либо теряют свой смысл, либо приобретают новое значение.

Одновременно характерной особенностью развития современного мира является все усиливающаяся тенденция к сближению интересов государств, народов и индивидов. В ходе научно-технической революции многочисленные проблемы – экономические, энергетические, экологические, информационные, демографические, религиозные – выходят за пределы государственных границ и регионов, перерастая в глобальные. В результате этого процесса изменяется основа мирового прогресса, в которой все большее значение приобретает общечеловеческий интерес. Новые очертания получает идея порядка в межгосударственных отношениях.

Эти процессы, естественно, воздействуют и на международное право. С точки зрения неопералов, главными регуляторами международных отношений выступают универсальные нравственные нормы, которые кодифицируются и становятся правовыми императивами, на этих нормах базируются международные институты. Некоторые ученые и политики считают, что основой и средствами поддержания международного порядка должны быть нормы, структуры, институты и процедуры вненационального или даже наднационального характера. И всё же те и другие признают: несмотря на то, что современные тенденции в международном праве демонстрируют тесную связь с мировой политической, нельзя отрицать, что здесь происходят существенные изменения. Исход

конфликта между глобальной солидарностью и приверженностью интересам конкретного государства, ценностям конкретной культуры или этнонациональной группы не предопределен. Поэтому нет серьезных оснований считать, что международное «общество» станет «обществом» универсальных ценностей и норм, заменивших и сделавших достоянием истории ценности и нормы государств, этносов и культур. И тем не менее попытки регулирования международных отношений на основе универсальных ценностей и общеобязательных норм вовсе не обязательно обречены на провал, так как в мировой политике, как подчеркивал еще Г. Шварценбергер, существует не только закон силы, но и закон взаимодействия и даже закон координации и согласования [4].

Значение дипломатии в начале XXI века, несомненно, возрастает. Это обусловлено прежде всего тем, что силовые решения международных проблем, несмотря на их продолжающееся использование, становятся всё более опасными. Перестройка международных отношений, связанная с процессами глобализации, выходом на мировую арену негосударственных акторов, ставит перед дипломатией задачи активного вовлечения в создание нового облика мира. Проблематика нового международного правопорядка представляется особо актуальной в свете тех перемен, которые произошли на международной арене. Мы не должны ждать, пока в третий раз начнется мировая война.

Война оправдывает и узаконивает международную систему статусов, на вершине которой находятся великие державы, и такая система рассматривает войну как средство своего сохранения [см. 2]. Это определение следует учитывать при корректировке новой международно-правовой системы.

Литература

1. Болгов О.Е. Роль ООН в обеспечении международной безопасности после окончания «холодной войны». Международно-правовые вопросы. Дис. ... кандидата юридических наук. Киев, 1999. URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-oon-v-obespechenii-mezhdunarodnoi-bezopasnosti-posle-okonchaniya-kholodnoi-voiny-mezhdun>
2. *Modelski, George; Morgan, Patrick M.* Understanding Global War // *The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 29, No. 3 (Sep., 1985), P. 391–417.
3. *Samuel A.* Nouveau paysage international. Bruxelles, 1990.
4. *Schwarzenberger G.* Power Politics: An Introduction to the Study of International Relations and Post-War Planning. London: Jonathan Cape, 1941.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы влияния трансформаций международной системы на становление нового международного правопорядка. Автор констатирует, что такие понятия, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти», в настоящее время либо теряют свой смысл, либо приобретают новое значение. Тем не менее попытки регулирования международных отношений на основе универсальных ценностей и общеобязательных норм не обязательно обречены на провал, так как в мировой политике существуют не только закон силы, но и закон взаимодействия.

Ключевые слова: международный правопорядок; международные отношения.

Zhao Lu, Ph.D. in Law; Associate Professor, Law Institute and Research Institute of Criminal Law, Beijing Normal University; Research Fellow, Research Centre for Russian studies affiliated to the Ministry of Education of China. E-mail: zhaoyilu5945@sina.com

Challenges of a New International Legal System in an Unstable Situation and in Multipolarity

Abstract. The article deals with the issues related to the transformation of the international system and its impact on the evolving new international order. The author assumes that such concepts such as “security”, “territorial integrity”, “national sovereignty”, “loyalty to the authorities”, now lose their meaning, or take on a new meaning. However, the attempts to regulate international relations which rely on universal values and universally binding rules are not necessarily doomed to failure, as world politics is characterized by interaction rules as well the rule of force.

Keywords: International Legal Order; International Relationships.

Л.В. Поляков. Большое спасибо, доктор Чжао Лу за ваш вклад в дискуссию. Действительно, одна из ключевых задач мирового сообщества – создание нового правового порядка. Потому что жить в состоянии хаоса и непредсказуемости мы, имея такие глобальные проблемы как неконтролируемое распространение ядерного оружия, различных инфекционных болезней, терроризма, экстремизма, позволить себе такую роскошь не можем. Наши культуры различны, но мы – единое человечество. И потому ваша постановка вопроса абсолютно актуальна. Мне представляется, это будет один из плодотворных результатов наших дискуссий на Бердяевских чтениях. Теперь подведем предварительные итоги работы секций.

Б.В. Межуев. В первой секции речь шла о проблемах восприятия Востока в России, в русской мысли, в русской философии и, соответственно, восприятия России глазами людей Востока. Мне представляется, что мы подошли к интересным выводам. Доклад профессора Ванчугова носил несколько структуралистский характер и позволил выявить определенные бинарные оппозиции, которые определяют в российском сознании противоположность Запада и Востока. Было обращено внимание на то, что эта оппозиция Запада и Востока является фундаментальной для российского сознания, в отличие от более важной для Европы оппозиции Севера и Юга – особенно важной с учетом нынешнего состояния дел в Европейском Союзе, где различие между Севером и Югом ярко проявляется.

Затем было сообщение о патриархе российского востоковедения, одновременно являющемся и патриархом русского консерватизма. В силу такого парадоксального совпадения министр народного просвещения Сергей Уваров был человеком, который задал некую формулу русского консерватизма русского традиционализма, по крайней мере характерную для XIX – начала XX века. И одновре-

менно это был человек, который стоял у истоков российского востоковедения. На это парадоксальное сочетание обратил внимание профессор Аркадий Юрьевич Минаков.

Презентации профессоров Московского университета и Российского государственного гуманитарного университета Михаила Александровича Маслина и Вячеслава Владимировича Сербиненко носили характер острой полемики с теми людьми, кто как бы недооценивает значение Востока в русской мысли, значение китайского начала в русской мысли, «китайской мечты», как сказал профессор Маслин.

Условная вторая часть секции началась с интереснейшего доклада профессора Анно, посвященного сравнению опыта модернизации Японии и России. Было подчеркнута некое особое положение Японии как азиатской страны, но как страны, которая видит свою идентичность в том, что она сделала усилие вырваться из общего азиатского контекста. Но, как мне кажется, это очень характерно и для России, хотя, может быть, наше восприятие такого рывка не является столь же оптимистичным, как у Японии. И здесь возникла некая проблема, которая в еще большей степени была акцентирована в выступлении профессора МГИМО Сергея Владиславовича Чугрова, посвященном образам России и Японии в контексте проблемы мягкой силы. Было подчеркнута, что отношение к Японии в России является неустойчивым, впрочем, не настолько, как, например, отношение к Америке. Помимо этого были сделаны интересные выводы относительно восприятия России в Японии.

Завершилась наша панель двумя выступлениями, посвященными Корее, корейскому опыту, профессора Ли Тэрим и профессора Лим Юл Чул. Эти выступления дополняли друг друга. В них было прояснено имеющее место сложное отношение в Корее к российским политическим событиям, к России в целом. И даже наметилась тема влияния российских корейцев на восприятие России в Корее. В отличие, например, от Японии.

Наш общий вывод, наверное, может быть таким:

для России важно посмотреть на себя восточными глазами, азиатскими глазами. Не знаю, насколько важно для азиатских стран посмотреть на себя российскими глазами, но то, что для России это значимо, – несомненно. И не только в плане некоего восточничества или какого-то азиатофильства, а с точки зрения опыта модернизации, опыта нового политического развития. Важно уметь взглянуть на себя в азиатских контекстах. Включение же в эти контексты еще и философской, идеологической составляющей позволит действительно обогатить наше понимание самих себя.

Л.В. Поляков. Мне представляется, что такое интегрированное восприятие в целом совпадает с теми ожиданиями, которые у нас были в отношении работы первой секции.

Напомню, что вторая секция была посвящена современной Азии – «Традиционные ценности и модернистские вызовы». Ее модерировал Михаил Витальевич Ремизов.

М.В. Ремизов. Название подразумевало некую антиномию консерватизма и модернизации, но вывод, который я для себя сделал, состоит в том, что там, где возникает противопоставление консерватизма и модернизации, возникает формула неуспеха и неразвития. Формула успеха и формула развития возникают там, где имеет место их синергия, взаимодополнение. Был очень хороший пример страновой модернизации в лице Кореи XIX века, о чем говорил Константин Асмолов, где противостояли друг другу прогрессисты и патриоты, где прогрессисты как бы были патриотами чужой страны, а патриоты никак не ассоциировались с развитием и, в том числе, с эффективным заимствованием техник и институтов. Вопрос о патриотах чужой страны – актуальная для нас тема даже в сугубо западническом понимании модернизации, то есть как вестернизации. Есть очень точно выраженная позиция Эдварда Шилза, блестящего социолога: быть современными, значит, становиться западными без бремени зависимости от Запада. Это наши прогрессисты, становящиеся патриотами чужих стран, часто забывают.

Отдельная большая проблема, которая напрямую связана с историей восточноазиатских модернизаций второй половины XX века и ко-

торую, может быть, нам еще удастся обсудить, это проблема зависимого развития. Развитие Японии и в меньшей степени, но тоже вполне ощутимо – Республики Корея шло под зонтиком США и при их поддержке. Определенную роль сыграли Соединенные Штаты и в истории модернизации Китая. Предваряя дальнейшую дискуссию и пытаясь дать ей импульс, я хотел напомнить, что существовало окно возможностей для зависимого развития в период биполярного мира, когда была конкуренция больших систем. Но с конца 1970-х – начала 1980-х годов это окно захлопнулось. После краха биполярности в этом мире уже нет возможности успеха через зависимое развитие, по крайней мере для крупных стран. Этот дискуссионный тезис можно было бы обсудить.

Что же касается примеров успешного симбиоза консерватизма и модернизации, то прозвучал пример тоже из XIX века в выступлении японоведа Александра Евгеньевича Куланова относительно реставрации Мэйдзи. Модельный пример. Если же брать историю успеха и форсированного развития второй половины XX века, то и здесь мы видим роль консерватизма как культурной ценностной платформы для форсированного развития. В чем это проявляется, какие консервативные краеугольные камни лежат в основе этих восточноазиатских историй успеха? Прежде всего идея национального реванша, которая очевидно прослеживается во всех историях экономического чуда. В случае с Японией – реванш мирным путем еще недавно такой жестко милитаристской страны. В случае с Кореей – стремление отыграться, компенсировать историю колониализма. И то же самое с Китаем: очень часто на различных конференциях, говоря о предпосылках истории успеха, китайские спикеры упоминают об унижительном периоде колониализма, который является точкой отталкивания для национального самосознания. В случае с КНР консервативный элемент реформы, модернизации, был связан с уходом от левачества «культурной революции» к апелляции к конфуцианским ценностям. В случае Японии и Южной Кореи – это активация феодальной этики в форме корпоративной этики, которая хорошо работает в условиях современного промышленного капитализма.

Эту идею мы можем вынести из состоявшегося обсуждения и работать с ней дальше. Работать не столько для изучения исторического опыта, сколько для проектирования – чтобы попытаться найти те формы сочленения русской традиции с идеями развития, которые могут создать нашу собственную, аналогичную восточноазиатским, историю успеха.

Л.В. Поляков. Постараюсь представить обобщенную картину того, что получилось в третьей секции. Участники предыдущих Бердяевских чтений в Калининграде помнят, что мы тогда построили работу по принципу «прошлое, современность, будущее». И в этой секции мы попытались заглянуть за горизонт, представить, как будет выглядеть евразийское пространство в будущем. Были даже представлены радикальные проекты этой сборки. В частности, в докладе Станислава Витальевича Хатунцева мне послышались нотки здорово-агрессивной устремленности к той цели, которая сегодня кажется утопической, но завтра может стать реальностью. Эта цель была мягко обозначена как широкое сопротивление панамериканизму, претендующему на доминирование, в том числе, на пространстве Евразии. Альтернатива независимой Евразии – одна из плодотворных консервативных идей.

Дмитрий Валентинович Мосяков продемонстрировал некий парадокс, связанный с тем, что модернизация, придуманная на Западе, для того чтобы превратить весь мир в некое гомогенное западopodobное пространство, в действительности демонстрирует свою прямо противоположную оборотную сторону. То есть все три кита в модернизационной концепции – политическая демократия, неограниченный рынок (или, как часто говорят, рыночный фундаментализм) и господство универсальной массовой культуры – все это опровергается опытом той самой модернизации Востока, где, наоборот, успешные примеры демонстрируют авторитарные режимы, где роль государства вопреки рыночно-фундаменталистской аксиоматике крайне высока и где вместо доминанции массовой культуры во всех ее проявлениях происходит интенсивное возвращение к традиционным ценностям. И я добавил бы: в этом смысле Восток начинает играть на Западной территории, потому что если мы следим за тем, как наиболее рафинированные

деятели западной массовой культуры реагируют на этот процесс, в частности, если мы смотрим кинофильмы Тарантино, то, безусловно, его эпопея «Kill Bill» показывает, что именно восточные ценности становятся предметом не просто интереса западного потребителя культуры, а уже начинают конкурировать с проектом массовой культурной глобализации.

Мне представляется своевременным размышление Любви Борисовны Кареловой об устаревании и рамках ориентализма, опять-таки такой западной придумки, которая, претендуя на статус научной объективности, несет в себе прагматичную, корыстную концепцию: Восток нарисован Западом, для того чтобы утвердить свое западное господство над Востоком, и отказ от ориентализма, охарактеризованного еще Эдвардом Саидом – это настоятельная потребность. Причем отказ, в том числе, и в сфере образования, потому что все начинается с мозгов, с детских мозгов. Необходимо задавать свою рамку, пора посмотреть на мир своими глазами, а не жить в смиренной рубашке ориентализма. И в этом смысле, не только пришла пора взаимного восприятия ценностей, как об этом говорилось в первой секции, но пора выработки русского взгляда и на Восток, и на Запад, и, соответственно, на самих себя.

Демонстрация того, насколько была успешна и насколько была проблематична трансформация китайской внешней политики, в докладах Василия Борисовича Кашина и профессора Ли Сина есть то самое заглядывание в будущее, весьма продуктивное во всех отношениях. Наш великий сосед – это больше чем партнер, это наши друзья, мы знаем это из опыта личного общения. Дружба поддерживается тем, что мы понимаем друг друга и очень тонко и деликатно относимся друг к другу, поэтому, если мы будем представлять себе, какие формы может принять в будущем трансформация китайской внешней политики, то тогда мы сохраним этот дружеский настрой и попытаемся не делать того, что могло бы нас отдалить друг от друга.

Мне представляется, что мы уже заложили серьезную основу для того, чтобы продолжать размышлять. Каждый из нас унесет с собой не только аромат Дальнего Востока, Владивостока, но и новые мысли, находки, интерпретации. А сейчас продолжим нашу работу.